

Жизнь только начинается

Ректор
Казанской консерватории
Рубин Абдуллин размышляет
о её будущем, завтрашнем дне
выпускников и самой музыки

Шестьдесят пять лет Казанской консерватории — внушительная дата. Конечно, по сравнению с полуторавековыми юбилеями Петербургской и Московской консерваторий шесть с половиной десятилетий выглядят скромнее. Однако за эти десятилетия сменилось уже целое поколение музыкантов, консерватория преобразилась. Поэтому самое время задать её ректору, шестидесятилетний юбилей которого совпал с памятной датой вуза, вопрос:

— Рубин Кабирович, шестьдесят пять лет для консерватории — много это или мало?

— Консерватория сейчас на том этапе развития, на котором проявляются зрелость, мудрость. Старейшие наши профессора демонстрируют удивительную стойкость и желание работать. Их опыт бесценен, и его должны воспринять следующие поколения. В консерваторию пришло много молодых педагогов, талантливых и профессионально подготовленных, проявляющих настоящее творческое горение. Сочетание опыта старшего поколения и жажды творчества совсем юных музыкантов очень важно для будущего. Это наше богатство, которое нельзя растерять.

При всех нововведениях (имею в виду обсуждаемую сейчас болонскую систему), мне кажется, содержание обучения останется консервативным. Не случайно и название нашего вуза — консерватория. Поэтому необходимо сберечь устную традицию преподавания, педагогические приёмы,

которые невозможно описать на бумаге — это личностный, духовный процесс.

Консерватория, обретающая зрелость, тем не менее находится лишь в начале пути, жить ей ещё очень долго. Смотрите, уже из первого выпуска вышли всемирно известный композитор София Губайдулина, другие музыканты, которыми мы гордимся. Таких драгоценных звёзд будет ещё много, наряду с теми, кто уже заявил о себе миру. Даже само географическое расположение консерватории в устье Камы и Волги, исторически сложившаяся полиэтничность населения способствуют развитию нашего вуза. Я вижу здесь маленькую модель Европы или Евразии, и мне кажется, что процесс взаимообогащения культур практически неисчерпаем, надо только разумно к нему подходить.

— *Что принципиально изменилось в консерватории за последние десять-пятнадцать лет?*

— Консерватория пережила очень сложный период, особенно последние три года, когда ютились в двух зданиях, пережидали время ремонта главного корпуса. Удивительно, что темпы развития и достижения

не убавились, а отчасти даже увеличились. Это лишний раз говорит о том, что консерватория — отнюдь не здания, не мебель и оборудование и даже не инструменты — это тот творческий потенциал, который реализуют работающие в ней личности.

И мне кажется, что этот потенциал возрос.

Сужу не только по откликам наших конкурентов и коллег из других регионов, но и по тому, как уважительно со мной здороваются в других учреждениях. Отношу это прежде всего к консерватории: она стала известной, конкурентоспособной даже в сравнении со столичными вузами, и когда, например, среди участников международных конкурсов значатся представители Казанской консерватории, все понимают, что это серьезно и вовсе не случайно, что мы далеко не провинция.

— *Какие из проявившихся за последние несколько лет проблем потребовали наибольших усилий для их преодоления?*

— Я не распределял эти усилия по граммам. Бывает так, что незначительный, на первый взгляд, вопрос обрастает бюрократической коростой, требует вмешательства ректората, деканата, и наоборот, созревшие в реформировании учебного процесса вопросы естественным образом решаются на удивление гладко. В этом и проявляется зрелость нашего коллектива, возросшая невидимая степень доверия

друг к другу. Это не означает единомыслия, когда дудят в одну дуду, подобно болельщикам футбольной команды. Дело в осознании главных задач и понимании каждым своей роли в их выполнении. Своего рода негласный договор: выполни необходимое — и тебе открыта дорога. Это и есть самая здоровая основа, при которой даже такое трудное дело, как материальное вознаграждение по труду, обеспечивается значительно проще, хотя в творческом вузе очень сложно определить, как платить и за что. Но мы учимся, стремимся это понять.

— Вы упомянули о болонской системе. Что вы думаете о перспективах новых образовательных стандартов для консерваторий, какие тут «за» и «против»?

— Мир вокруг нас изменился, и очень сильно. Вспомним начало девяностых: пустые прилавки, закрытые учреждения, отсутствие зарплаты и рабочих мест. Общество было в шоке, долго не могло оправиться от него. Сейчас мы имеем насыщенный рынок товаров, услуг, спрос на которые не падает. И никто не хочет возвращаться во время, когда ничего не было и всё требовалось доставать каким-то таинственным образом.

В духовной жизни произошло то же самое. Многие раритеты, произведения искусства были недоступны. Я ряд записей Владимира Горовица услышал в зрелом возрасте, для меня это было такое потрясение! Подумал: «Ну, как же так, я здесь был, на этой же планете, и не мог вот этого послушать!» И вот открылся мир, открылись все его сферы, сплёл паутину Интернет, в котором всё что угодно, от гадости и подлости до самых великих вещей.

Всё доступно, и это значит, что система образования тоже должна изменяться. Ведь образование — такая же услуга, я не боюсь этого слова, обслуживание знаниями, опытом, навыками... Чтобы человек стал на ноги, получил профессию, смог занять достойное рабочее место. В этой сфере тоже произошло и сейчас ещё происходит очень много изменений.

Скажем, чистые музыковеды сейчас — это что-то фантастическое, как лунный камень. Музыковед-практик, музыковед-аналитик, музыковед, ориентированный на конкретную грань своей профессии — вот профессия будущего. То же самое исполнитель. Что такое чистый пианист?

Получив диплом, он продолжает трудиться каждый день, по шесть часов сидя за роялем. Но таких единицы. Значит, общество должно подсказать, какого рода пианист нужен теперь: концертмейстер балета или оперы, работник детского сада или общеобразовательной школы.

Многие коллеги моего возраста из других консерваторий, да и из Казани тоже, работают в одной из стран Европы, объезжая на своей машине богатых клиентов и обучая музыке их детей на дому. Это тоже перспектива, не обязательно в инкубаторе всех цыплят выращивать, кое-какие редкие птицы могут выпорхнуть и из другого гнёздышка. Тем более что сейчас быстро развиваются города-спутники вокруг мегаполисов, и в них не скоро появятся музыкальные школы системы дополнительного образования, как бы ни распухало от гордости Министерство образования и науки. А здоровое предпринимательство на основе профессиональной деятельности может развиваться у нас точно так же, как и на Западе.

Я привёл только два примера, но в каждой специальности есть такое зерно, которое может прорасти и колоситься.

— Мне кажется, что это очень важно для создания положительного имиджа профессии, потому что среди музыкантов, особенно старшего поколения, немало тех, кто не получает достаточного вознаграждения за свой труд, он считается второстепенным.

— Конечно! Более того, предприниматели в сфере музыки и музыкального образования работают ровно столько, сколько хотят заработать. Они заняты два дня в неделю, если этого оказывается достаточно, или вкальвают шесть дней, когда надумают построить дом или приобрести новый автомобиль и лишний компьютер. Весь вопрос в творческой инициативе, здоровом предпринимательстве. В России в кризисные моменты оно становится активным, вспомните нэп.

— Вас можно назвать играющим ректором по аналогии с играющим тренером. Гастрольный график у вас достаточно плотный. Как удаётся совмещать руководство вузом и концертные выступления?

— График гастролей у меня не настолько плотный, как бы хотелось.

— Но вы в отличной концертной форме...

— Хорошую концертную форму действительно трудно сохранить, но для меня это очень важно. Я не смог бы работать ректором, перестав играть. Хотя знаю много случаев, когда бюрократическая часть этой деятельности парализует музыканта, да и необходимости концерттировать вроде бы нет. Однако гляжу в глаза своего ученика, который начинает спорить со мной, и понимаю: один, другой спор проиграю, в третий раз окажусь несведущим в каких-то делах — и мне в классе по специальности делать нечего. Нельзя находить общий язык с музыкантами разного возраста, не ведая происходящего в исполнительской практике. А для этого нужно быть в форме. Дважды в год играю в Москве, дважды — в Петербурге. И больше, если получается. И в других городах, других странах.

— Я вас знаю очень давно, вы всегда так же в отличной физической форме. Что это, результат вашей профессии органиста, которую считают азробной?

— Недавно посмотрел телепередачу, в которой Андрон Михалков-Кончаловский делился своим опытом жизнелюбия. Он говорил: человек должен понимать, какую воду пить нельзя, что нельзя есть, водку вовсе употреблять не следует... Да, есть определённый кодекс, что для организма полезно и что нет. Я чаще всего не выполняю правильный кодекс, очень трудно это сделать. Хочется пить — пьёшь ту воду, которая есть, а не ту, которую нужно очистить и обогатить витаминами. Наверное, важно то, что я постоянно двигаюсь...

— Близкие с пониманием относятся к вашей занятости работой? Удаётся ли вам уделять им достаточно внимания?

— Мама и отец для меня пример (мама до сих пор трудится, хотя и на пенсии). Когда мы подходим к огромной лестнице финансово-экономического института, я говорю: «Мама! Может, хватит уже?» — а она смотрит на эту лестницу и возражает: «Вот пока я её беру, буду работать». Конечно, я во многом в долгу перед близкими людьми, потому что иногда приходится пропускать семейные даты, торжества, ис-

чезать из дома тогда, когда не должен бы исчезнуть. Но... такова жизнь.

— «Исчезаете» ради консерватории и ради музыки, без которых не можете представить свою жизнь, как и ваши коллеги. А музыка, Рубин Кабинович, не способна со временем сыграть с нами, ну, не злую, но и не радостную шутку, упрятавшись в машины? Ведь ещё в 1966 году Глен Гульд высказал мнение о скором исчезновении академического концерта как формы общения с публикой, которая предпочтёт ему электронные носители звукозаписи. Вы предполагаете, его предсказание сбывается?

— Конечно, большой соблазн дома на диване нажать кнопку пульта, перелистать диски и найти то, что тебе сейчас хочется услышать. Однако люди, знакомые с эффектом открытия на концерте, когда звучание знакомого сочинения поднимает тебя до небес, понимают, что в консервированном виде, чтением с дисков, такого не получишь. Живого человека, его тепла, блеска глаз, воодушевления, мгновенно передающегося окружающим, ничем не заменишь.

Я доверяю суждениям такого гения, как Гульд, но считаю, что человечество потеряет очень много, если традиция концертного исполнения, совместного слушания музыки исчезнет.

Мы знаем много массовых эмоций, в которые намешано бог знает что вплоть до массового безумия. В том числе ложное, как мне кажется, воодушевление после того, как в сетку ворот влетает кожаный мяч, не в обиду будь сказано спортсменам и болельщикам. Но что после этого изменилось в человечестве, что стало лучше в человеке? Вот какой вопрос я всегда задаю. И твёрдо знаю: после содержательной хорошо исполненной музыкальной программы люди, выходящие из зала, изменились, они унесли с собой что-то не поддающееся счёту, калькуляции. Тронутые до глубины души, стали немножечко другими, приблизились к богу, красоте, доброте, сделали шаг к более совершенному человеку.

— Спасибо за беседу. И не перестанем верить, что музыка всегда будет способна объединять людей и делать их добрее, чище.

Беседовала **Елена ХАДЕЕВА**